

ЛЮБОВЬ БОРУСЯК

Чтение для имиджа или удовольствия?

Десакрализация классики

Наша страна долгие годы являлась литературоцентричной, но вот читательские практики всё дальше расходятся с нормой на высокую ценность литературы для русской культуры.

Любовь Фридриховна Борусяк, специалист в области социологии, СМИ и рекламы, доцент кафедры теории и практики рекламы ГУ — ВШЭ, кандидат социологических наук, Москва

СЕГОДНЯ РОССИЯНЕ читают существенно меньше, чем 30 лет тому назад. И в советское время читали далеко не все, но даже за последние годы читать стали меньше. По данным опроса, проведённого Левада-центром в апреле 2015 г., читают традиционные бумажные книги не реже одного раза в неделю 28% взрослых россиян, ещё в 2012 г. таких был 41%; не реже одного раза в месяц — 19 и 20%, практически не читают 54% против 40%. Сокращение числа читателей книг на бумажных носителях не компенсируется чтением на электронных носителях¹. На ценностном уровне наша страна долгие годы являлась литературоцентричной — а во многом ею пока остаётся, — но вот читательские практики всё дальше расходятся с нормой на высокую ценность литературы для русской культуры. Да и сама эта ценность постепенно снижается, хотя и не так быстро, чем читательская активность².

Для анализа ценности чтения и читательских предпочтений современной российской молодёжи нами был проведён анализ личных карточек россиян в возрасте 17–23 лет, проживающих в 34 городах разного размера в социальной сети «ВКонтакте»³. Мониторинг⁴ показал, что только 9% молодых участников сети «ВКонтакте» (а имеют такой аккаунт практически все молодые люди, пользующиеся интернетом) указывают на своих страницах имена любимых авторов и названия книг, и это существенно меньше доли назвавших любимую музыку или фильмы. Конечно, есть различия между городами: чаще всего информацию о чтении указывают

жители городов Дальнего Востока, девушки читают значительно активнее, чем юноши. Но очевидно, что если столь незначительное количество молодых людей сообщают о своих литературных предпочтениях, то чтение перестало быть для значительной части молодых людей важным, ценным для репрезентации себя перед друзьями по Сети, то есть значимыми другими. Сведения, содержащиеся в разделе «Личная информация», ориентированы, прежде всего, именно на «других», которые, прочитав информацию о человеке, сделают о нём положительные выводы. Тех пользователей соцсети, которые эту информацию сообщили (таковых 9%), условно отнесём к группе «читающих». Конечно, молодёжи, любящей читать, может быть и больше, но она явным образом не преобладает. И это при том, что литературу (преимущественно русскую и преимущественно классическую) изучают все дети и подростки в течение 11 лет обучения в школе.

Школьная программа по литературе — чему она должна научить

Школу сегодня активно обвиняют в том, что она не прививает детям массовый интерес к чтению, что это серьёзная недоработка данного социального института, самого массового и нацеленного на формирование ценности чтения. О том, что школа не приучает детей читать, говорят представители самых разных социальных групп и социальных институтов: от родителей школьников до представителей государства. Много претензий предъявляется учителям литературы. Если на выходе из школы значительная часть бывших учеников не ч

тает, читает очень мало или читает не «ту» литературу, они вроде бы и не выполняют свою основную функцию. В противном случае из школы выходили бы сплошь читатели, причём любители качественной, «высокой» литературы.

Конечно, звучат и голоса в защиту школы: нужно увеличить количество часов, отведённых на изучение литературы; чтение как форма проведения досуга проигрывает телевидению и интернету, и с этим очень трудно бороться; дети сегодня перегружены школьными уроками, у них очень мало времени остаётся на чтение и пр. Но в этом ли дело? Может быть, сама школьная программа по литературе, базовые ценности, которые в ней заложены и реализуются, не отвечают запросам современных детей и подростков? Может быть, время этих ценностей ушло, а потому надо менять подходы к преподаванию и вносить кардинальные изменения в школьную программу. Или не должно быть единой программы вообще?

Несколько лет назад, анализируя дискуссии о чтении, которые велись образованными родителями школьников, проживающими в Москве и других крупнейших городах, я обнаружила, что мы находимся на этапе постепенной десакрализации классики в массовом сознании¹. При том что сами женщины уверяли друг друга, что они много читают, в том числе классику, многие из них писали, что мужа их книг не читают и это не мешает им быть людьми умными, образованными и широко эрудированными. Иначе говоря, на женщин норма чтения пока распространяется строже, чем на мужчин. Что касается детей, то они (по мнению родителей) должны читать, причём именно классику, на которой основана школьная программа. В противном случае это окажет негативное влияние на их будущее: они не будут успешными в школе, плохо сдадут экзамены, в далёком будущем это помешает им поступить в хороший вуз, без чего сложно сделать карьеру. На семейных интернет-форумах участницы постоянно делятся опытом, как сделать детей читателями. Иногда это очень жёсткие меры: ребёнок обязан ежедневно читать в течение какого-то времени, иначе он лишается чего-то для него приятного (например, просмотра мультфильмов, если речь идёт об учащихся

младших классов, или компьютера, если дело касается ребят постарше). А вот то, будут ли дети получать удовольствие, читая русские классические произведения, как правило, остаётся за рамками дискуссий. Гедонистическая функция чтения не рассматривается как важная и насущно необходимая.

Школа формирует, во всяком случае, пытается формировать у детей представление о сакральной ценности русской классики как главного основания русской культуры вообще. С помощью набора образцов русской классики, содержащихся в программе, предполагается приобщить школьников не столько к чтению, в том числе установленных программой произведений, сколько к культуре в целом, сформировать единые культурные коды, которые должны объединять нацию, а также демонстрировать преемственность поколений. При этом делается это не на основе каких-то новых литературных произведений, а старых, проверенных временем, то есть удалённых от жизни и проблем современных детей. С другой стороны, это в основном отечественная литература, поскольку зарубежная вроде бы к национальному культурному коду отношения не имеет. Программа, с небольшими модификациями, существует уже много десятилетий; она не очень сильно отличается от школьной программы сталинской эпохи, когда после переоценки ценностей 1920-х годов с их судами над Пушкиным и попытками сбросить его с «парохода современности» был взят курс на консерватизм как в области политики, так и социальной сферы, культуры. Огромную роль в формировании школьной программы внесло «торжественное празднование» 100-летия гибели А. С. Пушкина на самом высоком государственном уровне и огромный упор на изучение его произведений. В соответствии с веяниями времени в программу вносились небольшие модификации, прежде всего, это касается выпускного класса, когда изучают литературу XX века, но большинство изучаемых произведений пересмотру не подвергалось, как и сама базовая идея консервации культуры.

Классика вечна?

Для того чтобы выяснить, насколько успешно современная школа справляет-

ся с задачей консервации ценностей и сохранения сакральности классики как символа неизменности этих ценностей, я провела анкетный опрос. В нём приняли участие ученики 10–11-х классов нескольких московских школ, а также недавние, очень успешные выпускники школы, а ныне студенты 2-го и 3-го курсов престижного московского университета. Всего на данном этапе получено 240 анкет.

Оказалось, что решать названные задачи школе отчасти удаётся, особенно это касается девочек и учеников специализированных гуманитарных классов. В анкете, в частности, было предложено тремя-пятью прилагательными описать русскую классическую литературу и сформулировать, для чего надо изучать классику в школе. Вот типичные ответы, данные девушками-гуманитариями: «Дерзкая, актуальная, метафоричная, духовная», «Нужная, актуальная, познавательная», «Актуальная, важная, познавательная», «Вечная, образная, возвышающая, разнообразная, необычная», «Вечная, глубокая, актуальная, обширная», «Вечная, необходимая, учащая», «Поучительная, полезная, красивая, духовноразвивающая». Самым частым определением было «вечная»; далее идут определения, связанные с полезностью классики для развития человека (прочитавший эти книги человек становится «духовно развитым», «высокоморальным», «чтобы шло саморазвитие», «Многие классические произведения являются некими учителями и воспитателями» и пр.). На третьем месте — указания на связь литературы и истории («Нужно читать для сравнения себя и общества с временами, когда было написано то или иное произведение», «Полезно знать свою историю и нравы тех времен»). Всё это полностью укладывается в традиционную парадигму о том, что есть образцы настолько идеальные, что они вневременны, а потому вечны. При этом у человека, который познакомился, соприкоснулся с этими образцами, меняется глубинная сущность. В процессе коммуникации он интериоризирует заложенные в произведении смыслы (предполагается, что они обязательно высокоморальны, высокодуховны и гуманны, в противовес упрощённым и антигуманным смыслам массовой литературы) и навсегда преображает-ся»

ся. Задача школы при этом — открыть школьникам заложенные в произведениях смыслы, проинтерпретировать их в правильном русле, чтобы не появилось какое-то другое, «неправильное» понимание. Всё это воспроизводят школьники и студенты, которые приняли эту парадигму, хотя, как было показано ниже, сама коммуникация с книгами зачастую даже у них не носит предполагаемый характер. Апофеозом принятия парадигмы являются вот такие высказывания девочек из гуманитарных классов о школьной программе как о чём-то сакральном, не подлежащем даже рефлексии: «*Это программа, это не обсуждается*». О том, что читать русскую классику интересно, увлекательно, пишут гораздо реже.

Мальчикам и вообще ученикам обычных, не специализированных классов ценность классики, а потому и школьной программы, эту ценность реализующей, рефлексия и сомнения свойственны в значительно большей степени. Это подтверждается тем, как скептически они высказались о русской классике, которую изучают в школе: «*Учащая, большая, скучная*», «*Страдальческая, грустная, затянутая, пессимистическая, однообразная*», «*Нудная, тяжелая для чтения*», «*Нужная, тяжелая*», «*Скучная, неинтересная, однообразная*», «*Зачётная, терпимая, нудная*». Здесь уже не говорится о её вневременности, наоборот, о своём собственном опыте коммуникации с ней. Да, она учит, скорее всего, она нужна, но как же скучно и тяжело её читать.

Студенты-гуманитарии и учащиеся гуманитарных классов в ходе опроса единодушно согласились с мнением о том, что классика всегда современна и не может устареть. Так ответили почти 100% в каждой из двух групп. Но старшеклассники из неспециализированных классов такого единодушия не демонстрируют: верит в вечную актуальность классики меньше половины из них, а большинство выбрали ответ «Классика частично устарела», то есть они поддерживают высокую ценность классики, но только частично. А если взять ответы только юношей, то они ещё более радикальны: каждый четвёртый полагает, что классика окончательно устарела. Их одноклассницы на столь радикальный вариант не соглашаются, они гораз-

до более конформны, готовы принять те ценностные установки, которые транслирует школа. Как мы видим, даже в одной возрастной группе процесс десакрализации классики, а значит и готовность принимать те идеи, которые закладывает школа, идёт очень неравномерно.

При этом на уровне читательских практик, как показывает наше исследование, мы видим, что школа может заставить значительную часть школьников (особенно девушек) уважать классику, но вот заставить читать все произведения программы совершенно не способна. Лишь очень незначительная часть старшеклассников и студентов, принявших участие в исследовании, указали, что они прочитали все произведения, и это относится даже к гуманитариям. Среди учеников обычных классов абсолютное большинство сообщили,

что читают либо значительную часть произведений школьной программы, либо некоторые из них, то есть существенно меньше половины. Среди тех произведений, которые читают, назвали в основном рассказы А. П. Чехова, поскольку они короткие. Абсолютное большинство школьников, включая учащихся и выпускников гуманитарных классов, не способны прочитать целиком наиболее объёмные произведения, такие, как «Война и мир» и «Тихий Дон». Большинство знакомится с их коротким изложением на сайтах в интернете (см., например, <http://briefly.ru/>, где дан пересказ огромного количества произведений мировой литературы) или смотрит экранизации. Это относится и к другим произведениям: «Обломову», «Преступлению и наказанию», «Анне Карениной», «Горю от ума», пьесам Гоголя и Островского, «Герою нашего времени» и даже «Евгению Онегину». Фильмы, спектакли, краткое изложение, аудиокниги и пр. заменяют чтение, и это происходит в массовом масштабе, это прак-

тически норма. То, что это становится нормой, подтверждает и поведение многих родителей: на семейных форумах они делятся друг с другом адресами сайтов с кратким изложением литературных произведений, сообщают названия книг с такими краткими изложениями и магазины, где такие книги можно купить. Не говоря уже о том, что советуют детям посмотреть экранизации многих литературных произведений вместо чтения, хотя иногда горестно замечают: было бы лучше, чтобы ребёнок это прочёл. Но поскольку они понимают, что читать дети не будут, сами помогают сыну или дочери найти какие-то заменители чтения, которые помогут на уроках.

Конечно, школа предпринимает попытки как-то бороться с процессом массового отказа от чтения многих произведений. Например, строго опрашивает на предмет знания содержания произведений, запугивает предстоящими экзаменами, в частности, итоговым сочинением. Но помогают эти меры плохо — и вряд ли помогут. Несмотря на то, что русская классика многим детям и взрослым кажется «вечной», то есть сакральной, не стареющей, не теряющей актуальности, для современного юного читателя язык этих произведений зачастую уже малопонятен, кажется архаичным, что вполне понятно, поскольку за 200 лет язык просто не мог не измениться.

Во время одного из обсуждений на интернет-форуме мама второклассника написала о том, что сын должен выучить хрестоматийное «Зима!.. Кресты янин, торжествуя...!», он бьётся-бьётся, но у него это не получается, потому что он не понимает половины слов. Конечно, некоторые участники форума же щину устыдили, посоветовали расшифровать ребёнку непонятные слова. Другие посочувствовали, поскольку у детей те же самые проблемы, и без помощи мамы они не то что выучить — прочитать и понять заданные в школе произведения не в состоянии. Третьи посоветовали приучить ребёнка делать уроки по литературе со словарем. Чтение со словарем — процесс, наверное, правильный, но удовольствия он не доставляет. Коммуникация с литературой, особенно у детей, если она происходит не под давлением (а в школе это давление во-

есть), построена, прежде всего, на основе эмоционального отклика. Если требуется разбираться с текстом, искать незнакомые слова, то это уже вынужденная и мучительная коммуникация. А ведь так построена практически вся школьная программа. Очень мало произведений, которые дети стали бы читать добровольно, для радости. Второклассник, который так мучается с запоминанием хрестоматийного отрывка из пятой главы «Евгения Онегина», будь его воля и свобода выбора, никогда бы не стал читать и запоминать именно его. Действительно, возьмём одно только четверостишие:

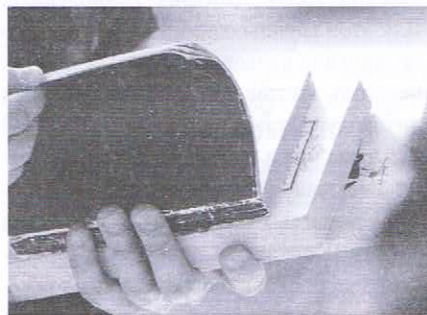
*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

Сколько в нём слов, которые 7–8-летний ребёнок не знает? Очень много. Насколько ему интересен сам текст? В большинстве случаев совсем не интересен. В результате многолетнего обучения литературе к старшим классам многие подростки приходят уверенными, что всё это очень полезно, нужно для духовного роста, но тяжело и скучно.

(М)учение классикой

Я задала старшеклассникам вопрос: «Часто приходится слышать, что многие произведения русской классики, которые изучают в школе, слишком сложны для подростков. Согласны ли вы с этим?» Мнения разделились поровну. При этом большинство учеников гуманитарных классов и больше половины девочек из классов любой профильной направленности с этим не согласились; большинство юношей и немного меньше половины девушек из неспециализированных классов согласны. Чем подкрепляют своё мнение те, кто уверен, что школьная программа по литературе для старших классов не сложна для подростков? Они дают объяснения с позиций школы, учителя (точнее, строгой учительницы, ведь кто у нас в основном преподаёт литературу?). Первое объяснение: программа составлена методически правильно, в соответствии с возрастом: «Программа прохождения литературы специально подобрана под средний уровень развития детей, их возраст и понимание мира», «При со-

ставлении школьной программы подразумевается, что дети уже достаточно развиты для изучения таких произведений». Второе — дело не в программе, дело в учениках, которые недостаточно развиты, и им нужно её пройти, чтобы духовно вырасти: «Это не произведения сложные, а дети недостаточно развитые», «Многие произведения русской классики считаются сложноватыми, однако они очень полезны для развития духовности, культуры и морали человека, поэтому нужны», «Некоторые дети уже доросли до этих книг, а некоторые даже не знают об их существовании. Но равняться надо на сильных учеников, иначе неизбежен духовный регресс». Сами ребята, давшие такие ответы, утверждают, что им самим классические произведения доступны, но вот другим, не таким умным и об-

разованным, нет. Тем не менее в глубине души они постоянно чувствуют, что не дотягивают до глубин русской классической литературы. Я провела маленькое интервью со студенткой выпускного курса бакалавриата НИУ — ВШЭ, показав ей эти ответы. Вот что она сказала по данному поводу: «Они слова моей учительницы литературы в гимназии повторили, слово в слово. Она всегда говорила, что не классика, а мы виноваты, если её не понимаем, а программа хорошая, как раз по возрасту. Я бы тогда точно то же самое написала, как ваши школьники, я была в этом уверена. У нас от этого были одни комплексы неполноценности, такие комплексы! Это сейчас я понимаю, что нам их внушили, тогда казалось, что мы виноваты».

Но есть и те, кто готов признать (и не стесняется этого), что многие произведения программы им не по возрасту или просто не очень интересны: «Русская классика — это жанр, который был написан давно, подросткам слож-

но понять то время», «Классики писали свои книги в сознательном возрасте, имея большой жизненный опыт, а у детей его нет. Поэтому это тяжело и скучно», «Вот, например, «Война и мир» — очень трудно (психологически) и долго читать», «Большинство произведений русской классики довольно длинные и замысловатые. Это сильно усложняет изучение этих произведений».

Нужно ли менять школьную программу?

Большинство произведений школьной программы изучали не только родители, но даже дедушки и бабушки современных старшеклассников. Для многих поколений россиян она представляется чем-то объективно существующим, таким же, как смена дня ночью, а зимы летом. Тот факт, что решение о включении или нет тех или иных произведений в программу принимали некие люди, за давностью лет позабылся. Как не рефлексировать и то, почему многие книги, которые действительно любимы и читаемы, в программу не входят. Общество не задумывается над тем, что школьная программа по литературе включает значительное число произведений, слабо доступных и не интересных детям: она воспринимается как форма дисциплинирования детей, привития им навыка заниматься не тем, что им хочется и интересно, а тем, что полезно и нужно, исходя из каких-то высших, то есть общегосударственных и общекультурных соображений. Гедонистическая функция чтения с этими высшими соображениями не согласуется, а потому и не обсуждается.

Я попыталась выяснить, считают ли школьники и недавние школьники, а ныне студенты, полезным изменить школьную программу, или она им кажется чем-то существующим объективно, вне зависимости от воли и желания людей, в том числе самих школьников. Что касается студентов-гуманитариев, то 60% из них не считают, что из программы нужно убрать какие-то произведения, но большинство из них предлагают эту программу дополнить. Больше всего предложений по изменению программы — дополнить её зарубежной классикой. Как мы помним, далеко не все из них прочитали всё, что положен-

но по программе; 40% предлагают «обмен» — какие-то произведения убрать (практически всегда это «Война и мир» и «Тихий Дон», иногда также «Обломов»), а взамен какие-то добавить (чаще всего зарубежную классику). Как те, так и другие предлагают обогатить школьную программу наиболее популярными у современной молодёжи, особенно столичной, что показывают и личные карточки молодых людей «ВКонтакте», авторами и произведениями зарубежных писателей XX века. Среди таковых — романы Эриха Марии Ремарка (это лидер на «добавление»), Рэя Бредбери, «Над пропастью во ржи» Дж.Сэллинджера, «Убить пересмешника» Харпера Ли. Интересно, что предложение усилить программу зарубежной классикой вполне вписывается в рамки существующей парадигмы, разве что русскую классику хотят уравновесить классикой переводной. Современная молодёжь зарубежную классику знает плохо, исключение составляют В. Шекспир, один из лидеров по числу упоминаний «ВКонтакте», а для девушек — ещё писательницы начала XIX века (Джейн Остин и сестры Бронте). А вот перечисленные зарубежные писатели XX века очень многими действительно прочитаны, любимы и популярны, это интересное чтение. Для средней школы очень многие предложили также в качестве дополнения программы суперпопулярного «Гарри Поттера» Джоан Роулинг.

Что касается школьников, то тут мнения разделились ровно пополам: 50% за изменение школьной программы по литературе, столько же против. При этом изменить программу предлагают как те, кто считает её слишком перегруженной, тяжёлой и скучной (в основном это юноши, существенно реже девушки, обучающиеся в обычном классе), так и те, кому она кажется недостаточно насыщенной. Представительницы второй группы — а это преимущественно девушки из гуманитарных классов и студенты — предлагают усилить программу зарубежной классикой и зарубежными авторами XX века (имена те же, включая «Гарри Поттера» для среднего школьного звена). А вот предложения тех, кто честно признался, что не любит русскую классику, относятся к ней как тяжкому грузу, го-

раздо разнообразнее. Кроме привычной «Войны и мира», они предлагают убрать из программы произведения Гоголя (одна из школьниц объяснила эту необходимость аморальностью его произведений), а также «Обломова» и «Преступления и наказания». В списках «на вылет» встречаются имена Некрасова, Грибоедова, Салтыкова-Щедрина и даже пушкинского «Онегина». «Тихий Дон» в списке не фигурирует только потому, что его не успели пройти в школе. Заменить это предлагают уже не только уважаемыми Ремарком, Сент-Экзюпери, Хемингуэем, Сэллинджером, но и произведениями тех, кто кажется антиподом парадигмы, лежащей в основе школьной программы, — преимущественно фэнтези и фантастикой: «Властелином колец» Толкина, «Игрой престолов» Джорджа Мартина, «Метро 2333» Дмитрия Глуховского. Для этой группы, которая уже десакрализовала классику в своём сознании, не столь почтенная, но увлекательная литература, кажется вполне пригодной для изучения в школе. Обращает на себя внимание, что почти отсутствующую в личных карточках молодёжи в сети «ВКонтакте» литературу советского периода и современную отечественную литературу, не предлагают включить и в школьную программу (за исключением имён Сергея Довлатова и Людмилы Улицкой, названных по одному разу).

Заключение

Школьная программа по литературе направлена сегодня на поддержание культурной идентичности, сохранение того, что принято называть «общим культурным кодом». Это программа, которая при условии своего усвоения, должна выдавать на выходе из школы людей, для которых классика сакральна, уверенных, что наша культура литературоцентрична, людей, глубоко усвоивших ценности, почерпнутые из великих произведений Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского. На самом деле мы видим, что большинство выпускников школ значительную часть этих произведений не только не осмыслили — они их не прочитали, и с высокой вероятностью можно утверждать, что так будет и дальше. Мне кажется, что сегодня главная идея школьного курса лите-

ратуры должна измениться: школьники должны полюбить чтение, научиться наслаждаться этим процессом, получать от него такое же удовольствие, как от просмотра кинофильмов, прослушивания любимой музыки и прочих приятных и любимых ими занятий. Но это невозможно при существующей программе, её ориентации именно на чтение русской классики. Если мы хотим, чтобы дети начали читать, надо при сохранении небольшого единого «ядра» великой русской литературы, дать учителям и ученикам возможность формировать программу по своему вкусу, ориентируясь не только на консервативные ценности, но и на реальные читательские практики и читательские предпочтения. Может быть не надо всем предлагать читать «Войну и мир»? Всё равно ведь не получается и не получится.

С автором можно связаться по адресу: lborusyak@hse.ru

Примечания:

¹ См.: <http://lit-ra.info/articles/rossiyane-o-chtenii-opros-levada-tsentra/>

² Как показали социологи Б. В. Дубин и Л. Д. Гудков в своей книге «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях» (Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009), это в значительной степени связано со снижением авторитета интеллигенции в российском обществе, как группы, ценность чтения задававшей в советское время.

³ Исследование основано на данных мониторинга личных карточек молодых участников социальной сети «ВКонтакте». Подробное описание исследования и его результатов см.: Любовь Борусяк. Любимые авторы, любимые книги: что читает современная молодёжь (по данным анализа сети «ВКонтакте») // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2015, 1 (119). С. 91–105.

⁴ Работу с базами данных проводил и представил Максим Карпов, за что выражаю ему искреннюю признательность.

⁵ Любовь Борусяк. Чтение как ценность в жизни молодых российских интеллектуалов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2010. — 3(105). — С. 53–65. http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2010_05_0.pdf

Анализ ценности чтения и читательских предпочтений современной России.

Чтение, Год литературы, русская классическая литература

The analysis the value of reading and reader preferences in modern Russia.

Reading, Year of Literature, Russian classical literature